

В. А. Возчиков

**«ДЕЛО ПРОФЕССОРОВ»,
ИЛИ ОПРАВДАНИЕ
РУНИЧА**

УДК 37
ББК 74.03(2)

В статье раскрываются малоизвестные факты о нашумевшем в начале 19 века деле профессора Дмитрия Павловича Рунича.

Ключевые слова: Дмитрий Павлович Рунич, «Дело профессоров».

V. A. Voschikov

**“PROFESSORS’ CASE”
OR ACQUITTAL OF RUNICH**

The article revels little knowm facts about the case of professor Dmitriy Pavlovich Runich which got much publicity at the beginning of the 19th century.

Key words: Dmitriy Pavlovich Runich, “Professors’ case”.

В первый летний день 1860 года в одноэтажном, полуразвалившемся домике, отнюдь не украшавшем Бассейный переулок Санкт-Петербурга, скончался человек, чье имя сорок лет назад было хорошо известно в просвещенном обществе российской столицы. Звали его Дмитрий Павлович Рунич. Дворянская порода и уносящие в прошлое воспоминания — вот, пожалуй, то небольшое, что ос-

тавалось в последние годы жизни у всеми забытого и покинутого даже близкими, прозябающего в бедности старика, чей возраст перевалил за восемьдесят... Лишь случайные гости да старушка, поддерживающая немудреное хозяйство, могли слышать изысканные обороты русской и французской речи, без труда дававшиеся хозяину, который своими длинными густыми седыми волосами, клинооб-

разной бородкой, степенной осанкой словно олицетворял смирившееся перед несправедливой судьбой достоинство...

Несколько сундуков с бумагами так и остались Руничем не разобранными — в одиночку за систематизацию архива браться не решался, помощников же не находилось... Племянник бывшего попечителя Казанского и Санкт-Петербургского учебных округов графа Михаила Николаевича Мусина-Пушкина, приятельствовавший с Руничем во второй половине 50-х годов, в ответ на очередную просьбу по поводу сундуков отшутился (о чем впоследствии сожалел!):

— На чем прикажете разбирать бумаги, Дмитрий Павлович, надо изготoвить стол подлиннее...

Длинный стол Рунич приобрел, высказав укоризненно Д. Н. Родионову:

— Вот, мой молодой друг, ... и стол готов, да вижу, не бумаги свои буду разбирать, а меня самого положат на него [1. С. 390].

«Молодой друг», к нашей сегодняшней досаде, не разобрал архива Рунича, однако в своих воспоминаниях зафиксировал один из рассказов последнего, весьма замечательный не столько сюжетом, сколько мировоззренческой подоплекой.

Предчувствуя скорый уход, Рунич осуждает сделанные ошибки, но винит себя вовсе не за то, за что его главным образом порицали современники (не за на шумевшее «дело профессоров!»), а лишь за «вольный» образ жизни, которому Дмитрий Павлович в дале-

кие молодые годы иногда предавался. Д. Н. Родионов так передает слова Рунича:

— Со спокойною совестью смотрю на переход в вечность. Не мучения ада, с его терзаниями и огнем, которыми пугают людей, страшны мне, но то прозрение ошибок, которые делал в течение своей длинной жизни.

Далее воспоминания переносят Рунича в более чем полувековой давности московское прошлое, в светское общество, «которое слыло самым образованным, потому что наизусть знало Вольтера, Дидроta и Руссо; но не знало преград в удовлетворении своих хотений, среди роскоши и распутства» [1. С. 390]. Самое мучительное, что ожидает его в загробном бытовании, полагает Рунич, вот такие постыдные воспоминания о том, как ему случилось отступать от своих нравственных принципов. «Дело профессоров» все последующие годы угнетало Рунича, но не потому, что его терзали муки совести за чьи-то искалеченные судьбы, несправедливо совершенные действия. Напротив, Дмитрий Павлович был убежден, что он вел себя в той ситуации, как и подобает истинному христианину и патриоту.

История осудила Рунича, мы не будем оспаривать ее приговор, с точки зрения разума и перспектив развития науки совершенно справедливый, хотя попробуем взглянуть на проблему под иным ракурсом. В тех трагических для Санкт-Петербургского университета событиях осени 1821 года Рунич, видимо, вел себя так, как и должен был действовать, — в силу своего харак-

тера, темперамента, мировоззрения и прочих личностных качеств. Согласны ли мы с нравственными ценностями Дмитрия Павловича, близки ли они нам, — уже иной вопрос. Но то, что Рунич поступит так, а не иначе, должен был предполагать, на наш взгляд, министр духовных дел и народного просвещения князь Александр Николаевич Голицын, поручая именно этому чиновнику разобраться в университетских делах, а не человеку более образованному, шире — по-европейски! — мыслящему. Или же Голицын знал, на основании хотя бы личного общения, что действия Руница окажутся именно такими, как сложились, поскольку иными и быть не могли в силу индивидуальных особенностей последнего?.. В обоих случаях (во втором, может быть, чуть более, чем в первом!) историческая вина Голицына в случившемся в университете оказывается не меньшей, чем Руница. Однако и неизбежен следующий вопрос: достоин ли был князь А. Н. Голицын министерского поста, коим его удостоил Государь?.. Напомним суть происшедшего.

«Делу профессоров» предшествовала своеобразная «репетиция» в виде скандала по поводу книги профессора Царскосельского лицея А. П. Куницына «Право естественное». Сей учебник, изданный Александром Петровичем в 1920 году, непосредственный начальник автора — директор лицея Энгельгардт — решил преподнести Александру I. Рассмотрение книги в Главном правлении училищ прошло благоприятно —

академик Фусс, сделав подробный анализ, одобрил сочинение Куницына, сочтя книгу вполне достойной высочайшего императорского внимания. Занимавшийся историей Санкт-Петербургского университета профессор В. В. Григорьев отзывался о книге Куницына высоко, хотя и несколько противоречиво: «... труд свидетельствует о большом таланте автора, сильной логике и замечательной для того времени научной самостоятельности, хотя школа, учению которой он следовал (Руссо и Кант), и тогда уже могла считаться отжившим веком, а другие позднейшие усилия оставались ему, по-видимому, неизвестны» [3. С. 12—13]. Однако через несколько дней после выступления Фусса за дело взялся Рунич — и его заключение решительно изменило сложившееся было мнение чиновников.

Зададимся вопросом: почему?.. Объяснения типа «не захотели связываться», чего-то «испугались» отметем сразу — речь о служилом дворянстве императорской России, а не о конформистах, скажем так, некоего более позднего времени. Коли так, примем единственный оставшийся вариант ответа: члены правления в конечном счете высказались против книги Куницына, потому что Рунич в своих доводах оказался прав. Читая сегодня его отчет [приводится, напр., в работе: 4. С. 9—17], можно обвинить автора в неоправданной агрессивности, излишней эмоциональности, демагогии и т. д., что будет справедливо лишь при условии, если мы откажем Руничу в искренности, для чего как

раз и нет никаких оснований. О каком чиновнике мы скажем, что он «на своем месте»?.. Бесспорно, о том, кто неукоснительно следует букве закона, руководствуется в своих действиях не личными симпатиями или неприязнью, но исключительно утвержденными нормативными документами!.. Таков Рунич — необходимое и эффективное звено любой управленческой системы. Не сомневаясь: издай Александр I указ о многопартийности в России — Рунич активно отстаивал бы эту идею; реши Государь и его администрация, что именно завтра следует отменить, допустим, крепостное право, — Рунич со всем своим рвением доказывал бы насущную необходимость именно такого решения... Но так уж исторически сложилось, что Дмитрию Павловичу довелось обеспечивать выполнение решений, которые с высоты нашего времени можно назвать консервативными, «обскурантистскими», «ограничивающими развитие» и т. п. Пусть так, однако согласимся и с тем, что, пока действуют те или иные нормативные акты, государственные служащие должны следовать именно предписаниям, а ни чему иному, — иначе о каком управлении страной можно говорить?!

Дмитрий Павлович Рунич взялся за книгу Куницына не по собственной инициативе, а по служебной необходимости — как член Ученого комитета. В подготовленном отчете Рунич напомнил коллегам о необходимости следовать Наставлению для руководства Ученого комитета, где недвусмысленно прописано, что «... главное

и существенное служение состоит в том, чтобы народное воспитание, основу и залог благосостояния государственного и частного посредством лучших учебных книг направить к истинной и высокой цели: к водворению в отечестве нашем постоянного согласия между верою, ведением и властью; или между христианским благочестием, просвещением умов и существованием гражданским» [Цит. по: 4. С. 10]. Данная цель, убежден Рунич, спасительна для страны, потому Ученому комитету нужно с великим тщанием осуществлять выбор книг для повсеместного распространения, рассматривая последние «по буквальному содержанию и духу», руководствуясь при этом Священным Писанием, которое в вышеуказанном Наставлении позиционируется как «источник всего» [См.: 4. С. 10].

С позиций тогдашнего, а уж тем более нынешнего просвещенного разума можно сколько угодно иронически, презрительно даже относиться к такого рода предписаниям, но до тех пор, пока данные установки составляют мировоззренческие основания официального документа, они являются руководством к действию!.. Вспомним в прошлом героического фронтовика, а в мирное время — осторожного бухгалтера (блестательная роль А. В. Папанова!) из кинофильма Андрея Сергеевича Смирнова «Белорусский вокзал», не позволяющего своему молодому и инициативному начальнику хоть в малости отступить от финансового законодательства. Считаете ту или иную инструкцию устаревшей —

добейтесь, чтобы ее отменили, коли уж вы такой энергичный, — примерно так говорит принципиальный бухгалтер «передовому» руководителю, вызывая всеобщее уважение зрителей. Но ведь, если вдуматься, Рунич ведет себя аналогично: давайте, мол, сначала признаем как ложные наши религиозные максимы, тогда само собой снимутся все замечания по сочинению Куницына, ведь нельзя же сидеть на двух стульях!..

Рассматриваемая книга, утверждает Дмитрий Павлович, «... есть не что иное, как пространный кодекс прав, присвоаемых какому-то естественному человеку, и определений совершенно противоположных учению Св. откровения. Везде чистые начала какого-то непогрешимого разума признаются единственною, законною проверкой побуждений и деяний человеческих. Здесь мирогражданство, по существу своему, почитается происходящим из тех же начал, на каких основано и самое право естественное. Здесь утверждается, что нет истин самостоятельных, по которым бы определять возможно было понятие о добре и зле, о дозволенном и недозволенном. Здесь говорится о каком-то внутреннем чувстве, похожем на совесть» [4. С. 13–14]. А ведь согласно принятой идеологии недопустимо «публичное преподавание наук по безбожным системам», российское юношество, эти молодые, «способные к принятию первых впечатлений сердца и умы» не должны в духовном строительстве своей жизни следовать понятию «... о мнимой возможности сделать человека

совершенным посредством одной языческой нравственности» [4. С. 16]!.. Спектр претензий Рунича к труду Куницына весьма широк, включая как этический аспект (почему, например, автор не называет имен тех исследователей, на чьи взгляды опирается?.. Замечание, похоже, актуальное во все времена!..), так и идейное содержание как таковое. Касательно последнего Рунич высказывает, например, следующие замечания:

«Здесь утверждается (в книге Куницына. — В. В.), что совокупление людей для достижения общей цели не может иначе произойти, как через договор, ибо никто не имеет первоначального права принуждать других желать того, чего сам желает и действовать для целей, им назначенных. Здесь супружество почитается союзом между двумя лицами различного пола для *исключительного сожития* (часть II, лист 29, § 285). Здесь допускается наложничество, названное браком, заключенным на *временное сожитие*, по началам права не признаваемое незаконным, но только противным почему-то какой-то нравственной природе человека. Ниже (§ 294) брачный договор между близкими родственниками не почитается у места потому только, что он *он*й противен каким-то внутренним должностям человека. В случае же брака между такими лицами предполагается, что какое-то благородное чувство — в родственного расположения — пожертвовано будет какому-то другому чувствованию нижнего разряда, хотя, впрочем, по началам права естествен-

ного доказать и нельзя, существует ли в природе врожденное отвращение между восходящими и нисходящими родственниками, между братьями и сестрами. Ниже (§ 306) одна должность воспитывать детей признается основанием родительской власти над детьми, а в § 310 определяется срок родительской власти, которая должна уменьшаться вместе с должностью воспитывать детей, когда сии получают достаточные силы к труду и употребление разума, при котором могут уже располагать своими поступками сами, и потому выходят из родительской власти, а родители перестают иметь должность их воспитывать. Право сие о браке, власти родительской и повиновении детей, высокое существо такого естественного человека заимствует от животных бессловесных. Се человек есть!» [отчет Д. П. Рунича Ученому комитету цит. по: 4. С. 15].

Анализ книги Куницына не входит в нашу задачу, потому приведем лишь один фрагмент из нее, свидетельствующий, что у государства в лице его чиновников были основания побеспокоиться как о прочности государственного института, так и о безопасности своих подданных от анархического произвола. А. П. Куницын, как и некогда Радищев (что, к слову, более всего и возмутило Екатерину Великую, а вовсе не «антикрепостнические» мотивы «Путешествия из Петербурга в Москву»!), по сути позволяет человеку вторить самосуд, совершать убийство, реализуя свое «естественное право» на безопасную жизнь: «§ 89. Право на

жизнь предполагает право защищать оную против нападения других людей. Если человек не может иначе сохранить жизнь свою, как умерщвлением несправедливого нападателя, то разум представляет ему и сие право; ибо в сем случае жизнь невинного находится в противоречии с жизнью виновного (нападателя); тот или другой непременно должен лишиться оной: но закон разума признает справедливым, чтобы жизнь невинного сохранена была чрез пожертвование жизни виновного» [6. С. 58].

Большинство (!) членов Ученого комитета согласилось с представленным мнением Д. П. Рунича, книга Куницына была исключена из библиотеки, запрещена к продаже и изъята у частных лиц, которые уже успели ее приобрести (трудно сказать, насколько успешно осуществилось последнее, но намерение такое было высказано!). «Не я один признал философию Куницына для юношества вредною и опасною, — подчеркивает Рунич роль с и с т е м ы в принятии решения, — она признана таковою правлением и министром, который один имел власть окончательно действовать» [2. С. 61].

«Буквоедская», а иначе говоря — принципиальная позиция Рунича произвела впечатление (неоднозначное, но это уже иной вопрос!) и в обществе, и в Министерстве духовных дел и народного просвещения, руководство которого решило использовать обнаружившиеся качества Дмитрия Павловича при проверке «вредного возмутительного» преподавания в Санкт-Петербургском университете

«наук статистики, всеобщей истории и философии», получившей широкий резонанс как «дело профессоров».

Непосредственным поводом для проверки учебно-воспитательной работы в Санкт-Петербургском университете стал факт нарушения дисциплины в университетском благородном пансионе. Недовольные увольнением одного из преподавателей, воспитанники пансиона публично выразили свое возмущение (инициатором называли брата нашего великого поэта — Левушку Пушкина) [См.: 2. С. 63]. В Министерстве предположили, и с этим был полностью согласен директор университета Д. С. Кавелин, что спровоцировать протест воспитанников мог вольнодумный дух преподавания и так называемое «свободомыслие».

Выполняя предписание министра А. Н. Голицына (Рунич впоследствии постоянно подчеркивал, что действовал не по собственной инициативе!), Дмитрий Павлович 3, 4 и 7 октября 1821 года провел в университете «чрезвычайные заседания» конференции (по статусу — примерно то же, что в настоящее время Ученый совет вуза, в ведении конференции находилась вся учебная работа; административным же руководителем университета был директор, статский советник Дмитрий Александрович Кавелин, активно помогавший Руничу), во время которых рассматривалось (на основании конспектов студентов, а также по книгам и записям лекций самих профессоров) содержание лекций *Раупаха*, *Германа*, *Галича* и адъюнкта *Арсеньева* на

предмет соблюдения законности и лояльности к сложившемуся политическому положению вещей. Скажем несколько слов об основных участниках таких далеких уже событий [емкие характеристики сотрудников университета дает, например, профессор В. В. Григорьев, см.: 3. С. 14–26].

Ординарному профессору всеобщей истории, преподававшему еще и немецкую словесность, *Эрнсту Вениамину Соломону Раупаху* было 36 лет, из которых около пятнадцати он провел в России. Обращаю внимание на эти цифры вот для чего: несмотря на отнюдь не преклонный возраст и долгую работу детским воспитателем в частном доме, *Раупах* так и не выучил русский язык, свои лекции в университете читал на латинском. Само по себе это ни хорошо и ни плохо, однако свидетельствует все же, на мой взгляд, что Россия, а следовательно, наши нравы, традиции, обычаи так и не стали близкими для немецкого специалиста. Известно, что *Раупах* писал пьесы для немецкого театра, призывал своих соотечественников к восстанию против Наполеона... Ничего, понятно, нет зазорного в преданности своей исторической родине, мы говорим о проявлении уважения к стране, которая на долгие годы приютила, предоставила работу. Право, не могу объяснить, почему за пятнадцать лет профессор так и не освоил русский язык!.. По отзывам слушателей, *Раупах* «вполне научно» читал древнюю историю, но при изложении событий Средневековья и Нового времени не выходил за рамки

известных в то время учебных пособий [см.: 3. С. 15].

Ординарный профессор статистики *Карл Федорович Герман* трудился в России с 1755 года — преподавал в Морском кадетском корпусе, потом — в 1805-м — стал адъюнктом статистики при Академии наук, с 1807 года — профессор педагогического института... Герман — замечательный статистик, у него немало заслуг перед российской наукой (к слову, русским языком этот профессор владел вполне уверенно!): в 1806 году он впервые начал издавать на русском «Статистический журнал», в 1808-м выпустил — опять же, впервые в России! — учебник «Теория статистики»... Лекции Германа были популярны, слушателей влекли в аудитории не только их глубокое содержание, но и духовная аура Карла Федоровича — человека светлого, благородного, с чистой душой, устремленной к всеобщему благу...

Талантливейшим философом был *Александр Иванович Галич*, выше всего ставящий ученые занятия, стремящийся как можно быстрее «отделиться» от всего, что им каким-то образом мешало... Думается, неумение и нежелание как-то реагировать на жизненные «обстоятельства» обусловили странное, удивившее многих поведение Галича во время «чрезвычайного заседания», о чем мы еще скажем.

Адъюнкт-профессор географии и статистики *Константин Иванович Арсеньев* был последователем Германа и в преклонении перед наукой, и в

понимании назначения ученого; он поражал коллег и студентов разнообразием, многоплановостью своих интересов и знаний...

В «деле профессоров» во всем благородстве характеров раскрылись профессор *Михаил Андреевич Балугьянский* — высококвалифицированный ученый-экономист, во многом благодаря ему в России стала активно развиваться новая для тех лет наука — политическая экономия; *Моисей Гордеевич Плисов* — экстраординарный профессор кафедры политической экономии, финансов и коммерции; молодые профессора восточной филологии *Жан-Франсуа Деманж* и *Франсуа-Бернар Шармуа*, державшиеся во время «судилища» весьма независимо... Словом, следует согласиться с авторитетным специалистом в области истории образования В. В. Григорьевым, который утверждал, что «... по достоинству преподавательских в нем сил, университет наш (Санкт-Петербургский. — В. В.), если и не превосходил другие Русские университеты того времени, то ни в каком уже случае не уступал им. Научные заслуги и доказанные на деле знания и дидактические способности большей части профессоров, при том стремлении к исследовательности и критицизме, вынесенном из Германии, которое отличало некоторых из них, могли служить верным залогом счастливой будущности Университета ...» [3. С. 26].

Три вышеупомянутых «чрезвычайных заседания» оказались тяжелым испытанием и в моральном, и в физи-

ческом аспектах: как с протокольной точностью указывал Рунич в отчете Голицыну: «... вопросы самые неуместные, рассуждения и заключения к настоящему предмету не относящиеся, пререкания и прения самые неприличные положили основание и продолжили заседание первого собрания с 10 часов утра до 9 вечера; второго — от 11 утра до 4 пополудни и третьего от 6 вечера до 4 часов по полуночи» [Цит. по: 4. С. 19–20]. Наверное, Рунич прав в своем возмущении по поводу «неуместности» и даже «неприличия» некоторых поднимаемых вопросов, однако удивляет его наивное непонимание того, что реакция ученого сообщества на ситуацию вполне естественна. Как во все времена и во всех идейных столкновениях «власти» и «оппозиции», дискутировался, говоря метафорически, вопрос о том, кто более любит Россию?.. Диспут, в принципе исключая победителя. Поясню, что имею в виду. Каждая сторона отстаивала свое так или иначе понимаемое «право» и считала, что именно она «знает, что делает». Рунич повел себя, как представитель власти, чьи намерения не обсуждаются, а распоряжения выполняются; действуя на основании официального предписания, Дмитрий Павлович не мог допустить, чтобы правомочность правительства кем-то ставилась под сомнение, подобное — прерогатива исключительно Государя!.. Видимо, чиновник Д. П. Рунич совершенно прав в своем понимании логики существования «командной» управленческой системы!..

Между прочим, примерно так же руководила и КПСС!.. Помнится, однажды меня, редактора многотиражной газеты крупного предприятия оборонного ведомства, вызвали для чего-то в отдел пропаганды и агитации горкома партии. В стране вовсю шла горбачевская «перестройка», поэтому я решил, что негоже отвлекаться от работы ради партийных функционеров... В горком все же позвонил, узнать, зачем я понадобился?.. Заведующий отделом раздраженно ответил, что все сообщит на месте, мол, сегодня еще такая система, сложится другая — никто и вызывать не будет...

Профессор Балугьянский (до начала «дела профессоров» он был еще и ректором университета, сам отказался от должности, вместо него ректором назначили заслуженного профессора географии Евдокима Филипповича Зябловского) задал Руничу примерно такой же вопрос, что и я заведующему отделом горкома: «... какие суть вилы правительства, и с какими намерениями требуются от профессоров ответы?». И услышал в ответ опять же, совсем как я, недовольные упреки чиновника в «забвении благопристойности» [см.: 4. С. 20–21]. Итак, прибыв в университет, Рунич ведет себя, как наделенный властью чиновник (так и есть!), действия которого не обсуждаются. Могло ли дальнейшее действие развиваться не так, как оно пошло?.. Да, конечно же, окажись на месте Рунича другой — более терпимый, более психолог, склонный к компромиссам, в общем — менее чинов-

ник!.. Однако Дмитрий Павлович был именно чиновником, в этом его достоинство, ценимое системой, но в этом же и недостаток на взгляд тех, кого не устраивали жесткие системные рамки!..

Профессоров Санкт-Петербургского университета обидел приказной тон, который взял Рунич, и вообще вся процедура проверки конспектов, содержания лекций, публичного обсуждения и необходимости какого-то в чем-то оправдания... Они справедливо считают себя «не последними людьми» в России, работающими во имя просвещения страны, заслуживающими признательности, уважения и доверия... Им, ученым, лучше, чем чиновникам, известно, что и как нужно преподавать!.. Словом, правы все — и не прав никто, потому что не поделились друг с другом своей долей ответственности за общее дело!.. Достойным своего высокого положения оказался, пожалуй, только Государь, посетовав по поводу всего произошедшего: «Жаль, что я в таком святом деле погорячился!» [Цит. по: 2. С. 64] (приводя слова Государя, Рунич ссылается на личное письмо к нему князя А. Н. Голицына).

Административной амбиции Рунича профессора противопоставили свое академическое самолюбие, в результате «чрезвычайные заседания» превратились в изнуряющую борьбу нервов. Причем в буквальном смысле: потрясенный происходящим профессор М. А. Балугьянский на заседании 3 октября впадал в обморок, а ординарный профессор кафедры химии и

физики Михаил Федорович Соловьев, выйдя поздно вечером из университета, вместо того, чтобы отправиться домой на 6-ю линию, каким-то образом оказался в Коломне, откуда матросы все же доставили его домой в совершенной подавленности ... [Об этом: 3. С. 37]. Организационные накладки начались сразу же: 3 октября на заседание не явился секретарь конференции экстраординарный профессор *Бутырский* — прислал записку, что болен... Сходу назначили секретарем профессора *Плисова*, однако Моисей Гордеевич столь явно выражал недовольство происходящим и замедлял ход заседания, что уже на следующий день — 4 октября — Рунич поручил составление протокольного журнала ординарному профессору Толкачеву... «Эстафету» интеллектуального саботажа от Балугьянского (о его «неприличном» вопросе мы уже упомянули) принял профессор Раупах, который пустился в долгое рассуждение по поводу того, что, поскольку он не видит возможности отвечать на поставленные вопросы, следовательно, никакой закон не может принудить его выполнить то, что он сделать просто не в состоянии... Филолог Шармуа, недавно прибывший в Россию француз, принялся выяснять, по какому праву министерский чиновник Рунич вообще задает им вопросы,, В ходе заседания профессора начали объяснять свои взгляды, а вместо конкретного ответа на вопрос — многословно и детально уточнять его формулировку... Такова картина в целом, в действительности же она, разумеется, гораздо более

сложна и противоречива: не всем сотрудникам университета понравилось поведение Шармуа, не все решительно отвергли обвинения Рунича... Да в каком современном вузе не случается ситуаций, когда страсти накаляются до предела!..

Участников конференции удивил поступок Александра Ивановича Галича, который, не возражая против чего-либо, только сказал, что «... сознавая невозможность отвергнуть или опровергнуть предложенные ему вопросные пункты, просит не помянуть грехов юности и неведения» [Цит. по: 3. С. 37]. В своем отчете Рунич описывает данную сцену, не сдерживая эмоций, можно даже сказать, восторженно: «Поступок экстраординарного профессора Галича, изъясненный в протоколе чрезвычайного заседания 4 числа и поразивший все собрание, не подлежит суду человеческому. Внутренность сердца одному Богу известна. Наружность совершенно на стороне его, и никто не решится бросить на него камень. Общее собрание университета возложило на меня ходатайствовать у вашего сиятельства о сей блуждающей овце дома Израилева, которую великий пастырь овец, поколику слепотствующий ум человеческий судить может, кажется подъял на рамена свои. И я сладостнейшей поставлю себе обязанностью к просьбе университета присовокупить и мою убедительнейшую об оказании Галичу испрашиваемой ему милости. Время покажет чистоту и искренность его обращения; с радостью и готовнос-

тью берусь лично наблюдать за тем, и за величайшее счастье почту, если он докажет на опыте то, в чем настоящее положение его подает некоторый повод сомневаться. Строгая осторожность будет руководствовать меня в дальнейшем определении рода ученых его занятий по университету. Галич дал мне сверх того обещание в непродолжительном времени изготovit изданную им *Историю систем философских* с опровержениями, а в предуведомлении описать самое свое обращение и тем торжественно запечатлеть чистоту и истину оногo!

Сознание профессора Галича лучше всяких доводов свидетельствует, что опасные и вредные учения, в которых профессора Герман, Раупах, Галич и адъюнкт Арсеньев обвиняются, действительно были в университете допущены, — сколько бы злоумышление противное доказывать не усиливалось. Да отнесется сие торжественное признание в лжемудрии ко славе Спасителя мира, которого учение есть одно истинное!» [4. С. 25—26].

В том же отчете Рунич сообщил и о сделанных университетской конференцией выводах: «Со всем тем, как противная сторона не усиливалась остановить действия благотворных распоряжений вашего сиятельства и положений главного правления училищ, истина восторжествовала, и учения профессоров Германа и Раупаха большею частию членов *условно*; ординарного профессора Галича и адъюнкта Арсеньева *положительно* признаны опасными и вредными; сами же они, как преподаватели, кроме Галича, ус-

ловно, не заслуживающими доверия» [4. С. 25].

Из двадцати членов конференции семеро признали своих коллег «вполне виновными», а остальные «... допускали виновность их только в том случае, если будет положительно доказано, что выписки из лекций, к уличению их представленные, справедливы; или же вовсе отказывались от подачи мнений, на том основании, что обвиняемым не дано ни малейших средств к оправданию, вопреки не только нравственному чувству, но и существующим постановлениям» [3. С. 36–37]. Таким образом, необходимое большинство голосов Д. П. Руничу получить удалось...

Конечно, наука ценна сама по себе, процесс научного поиска должен осуществляться без оглядки на чье-то мнение и возможные запретительные санкции, для ученой среды должна быть естественной свобода мнений и т. д. Все так!.. Однако жизнь общества в целях его нормального и безопасного развития регламентируют определенные предписания, нарушение которых недопустимо с точки зрения обеспечения порядка. Так вот, с позиций тогдашних критериев, что «вредно» и что «полезно», принятых в российском государстве, Рунич, видимо, был прав!.. Совершенно справедливо и двадцать лет спустя после «дела профессоров» Дмитрий Павлович обращал внимание на бесспорный факт, что «судьбу бывшего университета и осужденных преподавателей решил не я, а министр и главное училищ правление — не по тайному моему извету,

а по долговременном исследовании дела, по документам, не подлежащим сомнению!» [2. С. 65]. Однако в истории образования именно Рунич остался с ярлыками «мракобеса», «ретрограда», «гонителя» и т. п., что вполне объяснимо: система не осуждает самого себя, но вот отдельных исполнителей «сдаёт» в целях «сглаживания» ситуации — дескать, намерения были самые благие, но некто неверно понял, неправильно доложил, потому и решение в итоге оказалось ошибочным, не самым адекватным!..

Известная личность эпохи Александра I, **выдающийся дипломат**, известный писатель *Александр Скарлатович Стурдза* по существу согласился с формальной правотой Д. П. Рунича: «Нельзя было не усмотреть много худого в этих лекциях, для меня, впрочем, не новых, ибо еще в 1817 году, выслушав вступительную лекцию Раупаха в Педагогическом институте, я было заспорил с Уваровым против его любимца и прямо обличил его вредное направление в обзоре всемирной истории. Куницын тоже причастен был ложному учению». Но разбор «дела», замечает Стурдза, должен был идти более корректно, без «придиорок»!.. «Обе стороны были неправы», — заключает многоопытный чиновник [5. С. 280].

Удаленные из университета Раупах, Герман и Арсенев потребовали предать их суду, коли уж они «преступники»; члены Главного Правления училищ, которым ничего не оставалось, как попытаться быть твердыми и последовательными, постановили продолжить «дело профессоров» уже

в уголовном порядке. Однако министр А. Н. Голицын похоже растерялся и принялся ходатайствовать об окончательном решении в Комитете Министров, где вообще вся эта университетская «разборка» не вызвала особого понимания и желания реально вмешиваться. Член Государственного Совета, председатель департамента гражданских и духовных дел *Николай Семенович Мордвинов* высказался по поводу возможности предания профессоров уголовному суду, что «... если не будет делано различия между подозрением и преступлением, и по каждому доносу безразборно предавать уголовному суду, то все чиновники в России могут найтись под судом, и ни один честный, с малейшим благоразумием человек не пожелает принять на себя никакой должности» [Цит. по: 3. С. 38]. *Алексей Андреевич Аракчеев*, могущественный приближенный Государя, ответственный за военное строительство в России, с этим мнением согласился (хотя лично никакой симпатии к Мордвинову не испытывал). Не смолчал и *Сергей Семенович Уваров*, обратившийся с эмоциональным письмом к императору, в котором просил наказать и его, если профессора действительно в чем-то виновны...

Чтобы не уронить престиж власти, выйти более или менее с «хорошей миной» из сложившейся ситуации, Комитет Министров уполномочил рассмотреть претензии профессоров, создав специальную комиссию, которая вроде бы так и не провела ни одного заседания [см.: 3. С. 38], а в феврале 1827 г. Высочайшим повелением Николая I

дело было приказано считать окончательным... А еще ранее, весной 1824-го, был отправлен в отставку Голицын — император Александр Павлович, дружески относившийся к нему, вынужден был принять такое решение, поскольку и мистицизм Голицына, и сложившаяся ситуация в системе образования, которую резко ухудшили конфликты в Санкт-Петербургском и Казанском университетах, воспринимались и в обществе, и во властных кругах все более негативно...

Дела давно минувших дней... Так уж ли важно для нас сегодня, кто и что говорил и как себя повел в «деле профессоров» 1821 года почти двести лет назад?.. Убежден: нужно и важно, как всякий факт нашей истории, наши обычаи, традиции... Конечно, лучше бы этого «дела» не было, хотя сколько раз уже говорилось о неправомерности постановки подобного вопроса в сослагательном наклонении!.. Случившееся вполне объяснимо в контексте того времени, из которого до нас доносится голос Дмитрия Павловича Рунича, волею судьбы оказавшегося на острие событий и твердо следовавшего официальным религиозно-монархическим принципам государственного устройства: «Я должен был по совести и присяге обнаружить то, что я находил в деле государственном вредным, отвечая и пред совестью моею и пред моим Государем и законом за последствия вверенного мне управления; но за распоряжения высшего моего начальства, собственно им придуманные и мне предписанные к исполнению меры, один я исключительно осужден быть не могу» [2. С. 65].

Список литературы

1. Воспоминания Д. Н. Родионова // Русская старина. Август, 1898 год. Книга VIII. — СПб. : Типография Товарищества «Общественная польза», 1898. — С. 389—391.
2. Записка отставного действительного статского советника, ордена Святого Владимира 2-й степени Большого Креста и Святой Анны кавалера Рунича // Исторические бумаги, собранные Константином Ивановичем Арсеньевым. Приведены в порядок и изданы академиком П. Пекарским. Приложения. Приложение 1. — СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1872. — С. 61—69.
3. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: Ист. записка, сост. по поручению Сов. ун-та проф. по каф. истории Востока В. В. Григорьевым. — СПб. : Типография В. Безобразова и К°, 1870. — 679 с.
4. Материалы для истории просвещения в России. Магницкий. Е. Феоктистова. — СПб. : В типографии Кесневина, 1865. — 227 с.
5. О судьбе Православной Церкви Русской в царствование императора Александра I-го (Из записок А. С. Стурдзы) // Русская старина. Февраль, 1876. — СПб. : Типография В. С. Балашева, 1876. — С. 266—288.
6. Право естественное, сочиненное профессором Императорского лицея Александром Куницыным. — СПб. : В типографии Иос. Иоаннесова, 1818. — Ч. III. — 136 с.